

DOI: [10.14515/monitoring.2026.4.3003](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3003)**Ю. М. Аксютин****ЮЖНО-СИБИРСКИЙ ЛИМИТРОФ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ
СИТУАЦИИ В ТРЕТЬЕМ ПОСТСОВЕТСКОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ****Правильная ссылка на статью:**

Аксютин Ю. М. Южно-Сибирский лимитроф: социологический анализ этноконфессиональной ситуации в третьем постсоветском десятилетии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 4. С. 72—95. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3003>.

For citation:

Aksyutin Y. M. (2026) South-Siberian Limitrophe: Sociological Analysis of the Ethnically and Confessional Situation in the Third Post-Soviet Decade. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 72–95. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3003>. (In Russ.)

Получено: 24.04.2025. Принято к публикации: 24.04.2026.

ЮЖНО-СИБИРСКИЙ ЛИМИТРОФ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В ТРЕТЬЕМ ПОСТСОВЕТСКОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ

SOUTH-SIBERIAN LIMITROPHE: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE ETHNICALLY AND CONFESSIONAL SITUATION IN THE THIRD POST-SOVIET DECADE

АКСЮТИН Юрий Михайлович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия
E-MAIL: aksutum@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5996-3686>

Yurii M. AKSIUTIN¹ — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Criminal Law Disciplines
E-MAIL: aksutum@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5996-3686>

¹ Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russia

Аннотация. Исследование посвящено анализу процессов изменения этнорелигиозной ситуации, формирования этноконфессиональных идентичностей и радикализации религиозности в Южной Сибири в 2010-х годах. Южная Сибирь (республики Хакасия, Тыва и Алтай) — поликонфессиональный регион, лимитрофная зона контакта славянских и тюркских этносов, религиозных традиций христианства, буддизма и шаманизма. Как и большинство национальных регионов страны, в 1990-х годах Южная Сибирь переживала процессы «религиозного возрождения» и формирования этноконфессиональных идентичностей, ставших фактором риска эскалации напряженности межкультурного и межэтнического взаимодействия. Проведенные в 2013—2019 гг. массовые опросы (квотная районированная выборка, репрезентирующая структуру населения каждой республики) позволяют сделать выводы, что так называемый бум религиозности в республиках Южной Сибири, несмотря на продолжающийся рост числа религиозных организаций, в целом завершился. Доля верующих год от года сокращалась и в 2019 г. составляла порядка 60 % от числа опрошенных при среднероссийских значениях в 70 %. Изменился и характер религиозности верующих, большая часть

Abstract. South Siberia is a region that includes three republics (Khakassia, Tyva and Altai) inhabited by representatives of Turkic and Slavic ethnic groups professing Christianity, Buddhism and Shamanism. In the 1990s, the region was undergoing a process of “religious revival”. The increasing importance of religion was accompanied by the formation of a stable connection between belonging to a religious group and an ethnic group to the extent of their mixing. The combination of religious and ethnic identity increases the tension of interaction between representatives of heterogeneous ethnic groups and religions, and can provoke conflict based on conflicting values, religious and ethnic traditions, norms, and stereotypes. Conducted in the region from 2013 to 2019. Mass surveys using a sample that takes into account the population structure of each republic allow us to conclude that the processes of a significant increase in the number of religious people in the republics of Southern Siberia observed in the 1990s have come to an end. The share of believers has been decreasing from year to year and is about 60% of the respondents (2019). The religious nature of believers has changed. Most of the believers noted that they rarely or do not at all perform religious rites and rituals. There is a connection between ethnic and religious identity among Russians and Tuvini-

которых не исполняет религиозные обряды и ритуалы. В то же время есть основания говорить о функционировании религиозности в качестве маркера этнической идентичности представителей русского и титульных этносов региона, способного стать фактором обострения противоречий межкультурного и межэтнического характера. Анализ результатов массовых опросов свидетельствует о достаточно высоком уровне толерантности жителей Хакасии, Тувы и Алтая, не исключая, тем не менее, возможности радикализации религиозности.

Ключевые слова: религиозность, религиозная идентичность, Тува, Хакасия, Алтай, межрелигиозные и межконфессиональные отношения, толерантность

ans, but the respondents, in general, do not dislike representatives of other ethnic groups and religions in the region. Nevertheless, the majority of respondents are tolerant of the use of force in resolving contradictions of interethnic interaction.

Keywords: religiosity, religious identity, Tuva, Khakassia, Altai, interreligious and interfaith relations, tolerance

Введение

Возвращение религии в публичное пространство России во многом было связано с трансформацией советского общества и государства. После десятилетий антирелигиозной пропаганды религия вновь была признана в качестве важного фактора функционирования социальных и политических процессов и сохранения традиционных ценностей [Авксентьев, Бабкин, Хоц, 2006: 41; Фурман, Каарияйнен, 2003: 20]. Усиление взаимной поддержки между традиционными для страны конфессиями и государством сопровождалось реконструкцией старых и строительством новых культовых сооружений, активизацией участия политических деятелей в знаковых религиозных мероприятиях, а в большинстве национальных республик обращение к религиозной традиции нередко связывалось с идеями возрождения этнического самосознания, обретения и усиления этнополитической субъектности. Этническими элитами высказывались и развивались идеи расширения суверенитета и автономии на почве исторической принадлежности к определенной религиозно-цивилизационной матрице и культурной традиции (исламскому, тюркскому, буддийскому миру), что сопровождалось повышением градуса межконфессиональной и межэтнической напряженности [Montalvo, Reynal-Querol, 2003: 201; Грошева, 2012: 67]. К середине 2000-х годов этничность и религиозность уже повсеместно функционировали как недифференцируемые категории (например, русский — значит православный, татары — мусульмане, тувинцы — буддисты и т. д.). Однако если религиозная ситуация в исламо-христианском пограничье Кавказа и Юга России постоянно находится в фокусе внимания ученых и политиков по причине высоких рисков эскалации напряженности, то исследования особенностей контакта православия, буддизма и шаманизма в национальных республиках Южной Сибири встречаются

редко, что, по-видимому, объясняется распространением стереотипа об их неконфликтном характере.

Цель статьи — опираясь на данные эмпирических социологических исследований, проанализировать специфику и динамику религиозности жителей Южно-Сибирского региона, оценить характер изменений уровня декларируемой толерантности и установок населения в сфере межрелигиозных и межэтнических отношений.

Методы и методология

Южная Сибирь — поликонфессиональный регион России (республики Хакасия, Тыва и Алтай), представляющий собой «лимитрофную зону» контакта славянских и тюркских этносов, последователей христианства, буддизма, ислама и традиционных верований (шаманизма, бурханизма и др.) [Ламажаа, 2021: 180]. Численность населения региона, при значительном этноконфессиональном разнообразии, по данным Всероссийской переписи 2020 г., составляет немногим более 1 млн человек (Хакасия — 534 тыс. человек (русские — 82 %, хакасы — 13 %), Тува — 336 тыс. человек (тувинцы — 88 %, русские — 10 %), Алтай — 211 тыс. человек (русские — 53 %, алтайцы — 37 %) ¹. Эмпирическую базу исследования этноконфессиональных процессов образуют данные статистики, результаты массовых опросов, в том числе проведенных под руководством автора в Хакасии и Тыве (2013—2019 гг.), а также Республике Алтай (2013—2018 гг.) ² в сложный для страны и региона период изменения экономической, внутри- и внешнеполитической ситуации. В частности, нижняя граница хронологии авторских опросов охватывает 2013—2015 гг., отмеченные событиями вокруг присоединения Крыма (2014 г.) и последовавшими за ними международными санкциями и ограничениями, в том числе на экспорт ключевых для экономики региона угля, алюминия, электроэнергии и др. Непокойной была внутривнутриполитическая ситуация, характеризовавшаяся дефицитом доверия властям, ростом протестных настроений и напряженности в социуме по причине снижения уровня благосостояния населения, фактической парализации закредитованных республиканских и муниципальных бюджетов [Белоконев, Игнатовский, Печенкин, 2019]. Верхняя хронологическая граница была определена началом пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), затруднившей проведение массовых опросов. Кроме того, учитывая специфику предмета рассмотрения, важно отметить, что исследования проводились в ситуации фактической смены поколений и формирования нового типа верующих, не испытавших воздействия советской антирелигиозной идеологии. Массовые опросы позволили не только исследовать характер и динамику уровня религиозности жителей региона на достаточно большом отрезке времени, их установки в отношении представителей иных религий и этносов, но и оценить степень влияния внешних факторов (миграции, экономических и политических кризисов, санкций и др.) на эти процессы.

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpr/2020/Tom5_Natsionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 22.08.2026).

² В 2016—2017 гг. опросов по сопоставимой программе и выборке не проводилось.

Опросы осуществлялись методом полуструктурированного интервью, применялась многоступенчатая выборка³. Доля каждой республики в общем объеме выборки определялась пропорционально долям этих республик в генеральной совокупности по данным Алтайкрайстата (для Республики Алтай), Красноярскстата (для Тувы и Хакасии) и Всероссийской переписи населения 2010 г. о численности (в Хакасии — 532 тыс. человек, на Алтае — 206 тыс. человек, в Туве — 308 тыс. человек) и демографических характеристиках населения региона старше 18 лет⁴. В исследованиях объем выборки был определен в 1000 респондентов (выборочная совокупность: Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел., Тува — 290 чел.), соответственно при таком размере величина средней ошибки для генеральной совокупности может достигать величины 3,1 %. Однако при уменьшении выборки (например, при рассмотрении каждого населенного пункта в отдельности) доверительный интервал увеличивается. Уточним, что исследование институциональных и социокультурных процессов в больших территориальных общностях, по основанному мнению А. А. Захаровой, не требует максимальной точности данных, а доверительный интервал допустимой ошибки может составлять до 10 % (по 5 % в ту и другую сторону) [Захарова, 2019: 151—152]. Учитывая специфику темы исследования, в квотных заданиях, помимо базовых (пол, возраст, населенный пункт), вводились процентные ограничения по образованию и этнической принадлежности респондентов, так как анкета содержала большое количество вопросов о характере и основаниях этноконфессиональной идентичности респондентов. Методом случайного отбора выбирались населенные пункты (например, три города и четыре района из 13 муниципалитетов в Хакасии), определялись группы респондентов в соответствии с численностью и характеристикой проживающего в каждом муниципалитете населения. В сельских районах производился случайный, но пропорциональный объему отбор населенных пунктов. Интервьюерами осуществлялся отбор домохозяйств с использованием определенного маршрута движения, внутри которых были выбраны респонденты в соответствии с квотным заданием.

³ **2013 г.:** социологическое исследование в рамках Федеральной целевой программы на 2009—2013 гг. по проекту «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия». Выборочная совокупность: Тува — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел. **2014 г.:** социологическое исследование в рамках гранта Президента РФ по теме: «Анализ этнокультурных оснований ценностно-идентификационных конфликтов в постсоветской России: региональный аспект». Выборочная совокупность: Тува — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел. **2015 г.:** социологическое исследование в рамках гранта Президента РФ по теме: «Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель)». Выборочная совокупность: Тува — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел. **В 2016—2017 гг.** опросов не проводилось, **2018 г.:** социологическое исследование в рамках гранта Президента РФ по теме: «Анализ и оценка эффективности функционирования гражданской нации в региональном социуме. Выборочная совокупность: Тува — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел. **2019 г.:** социологическое исследование по теме: «Тува в условиях современных трансформаций: моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Тыва (сер. 1990-х — 2019 гг.)». Выборочная совокупность: Тува — 290 чел. **2019 г.:** социологическое исследование в рамках гранта РФФИ и Правительства Республики Хакасия по теме: «Хакасия в условиях современных трансформаций: социологическое исследование и моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990—2018 гг.)». Выборочная совокупность: Хакасия — 520 чел. В Республике Алтай в 2019 г. опрос не проводился.

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М.: Статистика России, 2012. С. 99—100.

Структура религиозного пространства Южной Сибири в постсоветский период

Начало процессов трансформации структуры религиозного пространства страны и региона, выразившееся в значительном росте числа религиозных объединений и верующих, связано с событиями конца 1980-х — начала 1990-х годов. Стимулами к активизации религиозной жизни населения, получившей в литературе образное определение «религиозное возрождение», были политические, экономические и социокультурные перемены в жизни российского общества и государства [Трансформации..., 2015: 114]. Речь идет в том числе об общем изменении отношения властей к религии и верующим по причине явно обозначившегося кризиса антирелигиозной идеологии. К середине 1980-х годов в СССР, отмечает А. С. Фетисов, несмотря на все ограничения, действовало более 3 тыс. зарегистрированных объединений верующих, десять лет спустя их было уже 15 тыс. [Фетисов, 2008: 90—91]. Считали себя верующими до 34 % населения страны и еще 35 % колебались между верой и неверием. Усиление религиозности, считают специалисты, было следствием не столько либерализации государственно-конфессиональных отношений и роста естественного интереса к религии и мистицизму, сколько тяжелого экономического положения населения, пережившего резкое падение уровня и качества жизни в пореформенную эпоху. Нередко выход из сложившейся ситуации, психологическую и финансовую поддержку искали в религии, среди единоверцев. Наиболее активно к религиозной вере обращались социально незащищенные группы населения [Трансформации..., 2015: 114, 163].

Религиозное пространство в республиках Южной Сибири трансформировалось в соответствии с общероссийскими тенденциями. В 1990-е — начало 2000-х годов в регионе отмечался значительный рост числа религиозных объединений. Например, в Хакасии еще в конце 1980-х годов функционировало не менее 19 религиозных общин, из которых только 11 было зарегистрировано официально. После принятия в 1990 г. Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», позволявшего легализовать религиозные объединения, их число в Хакасии выросло более чем в три раза. В 1991 г. действовало уже семь общин Русской православной церкви (далее — РПЦ), две старообрядческих, по одной общине католиков, мусульман, иудеев, молокан и порядка 54 протестантских объединений [Дашковский, Гончарова 2023: 684]. Схожие по характеру и динамике процессы роста числа общин и верующих отмечались в Туве, религиозный ландшафт которой исторически формировался под сильным влиянием буддийской традиции [Walters, 2001: 24—38]. В 1990-е годы установились тесные связи Тувы с духовными лидерами из Тибета, принимались законотворческие меры по возрождению традиционных форм религии (буддизма и шаманизма) как части духовной культуры тувинцев. Высокие темпы роста своей численности демонстрировали религиозные объединения и на Алтае, конфессиональное пространство которого представляет собой сложный синтез православия, буддизма, ислама и язычества. В постсоветский период возродились традиционные для Алтая верования бурханизм и шаманизм, появились новые, преимущественно протестантские, конфессии. По данным исследователей, в начале 1990-х годов в республике было зарегистрировано шесть религиозных организаций, но значительно большее число

объединений верующих функционировало неофициально [Тюркские народы..., 2008: 167; Трансформации..., 2015: 163].

Принятый в 1997 г. новый общероссийский закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» ограничивал возможности регистрации религиозных организаций, требуя для этого не только желания верующих, но также и доказательств существования религиозного течения в стране не менее 15 лет и письменного оформления основ вероисповедания. На деле ограничения оказались не столь уж труднопреодолимыми. В 1998 г. в Туве было зарегистрировано 30, а в 2001 г. — уже 45 объединений верующих [Тюркские народы..., 2008: 169]. На Алтае число религиозных организаций за год увеличилось более чем в четыре раза (с 5 в 1997 г. до 26 в 1998 г.) [Трансформации..., 2015: 163, 182], что трудно объяснить только особым режимом налогообложения или желанием верующих открыто заявить о своих взглядах. По-видимому, речь должна идти о наложении ряда факторов, включая политические и социально-экономические. Достаточно вспомнить, что на 1998 г. пришелся дефолт и сильнейший экономический кризис, сопровождавшиеся спадом производства, снижением уровня доходов населения, негативные последствия которых удалось преодолеть только к середине 2000-х [Логачева, 2006].

Начало нового этапа роста числа религиозных организаций пришлось на 2010—2015 гг. (см. табл. 1), что объясняется, с одной стороны, активизацией деятельности традиционных конфессий, поддерживаемых федеральными или местными властями (например, РПЦ образовала в 2011 г. в Туве и в 2013 г. на Алтае самостоятельные епархии), а с другой стороны, изменениями социально-экономической ситуации. В частности, по показателю среднедушевых денежных доходов населения республики Южной Сибири в эти годы опустились на нижние строчки рейтинга (в 2013 г. Хакасия — 65-е место, Алтай — 77-е, а Тыва — 82-е из 83) и оставались там до конца десятилетия⁵. Отмечался рост влияния теневых, криминальных и даже «сверхъестественных» структур [Zorbas, 2021], у которых жители искали помощи и поддержки, например в «освящении» бизнеса или «наведении порчи» на конкурента.

Таблица 1. Динамика численности религиозных организаций в республиках Хакасия, Тыва, Алтай (2001—2025 гг.)

Республика	Численность религиозных организаций (по годам)												
	2001	2005	2011	2012	2013	2014	2015	2018	2019	2021	2023	2024	2025
Хакасия	—	70	76	119	119	123	122	117	117	117	117	119	120
Тыва	45	45	42	50	54	54	57	58	62	63	70	72	73
Алтай	33	40	44	46	50	53	53	57	57	61	62	62	63

Источники: составлено автором на основе данных исследователей о численности религиозных организаций в **2005—2011 гг.** в Хакасии: Анайбан З. В. Институты гражданского общества в постсоветской Хакасии // Новые исследования Тувы. 2012. № 4. С. 68., Религиозные организации Сибири: хрестоматия / сост. П. К. Дашковский, Е. В. Шелепова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 96. В Туве: Тюркские народы Восточной Сибири. М.: Наука, 2008. С. 169. В Алтае: Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX — начало XXI веков). Вып. I. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2015. С. 163—182. Данные о численности религиозных организаций в **2011—2018 гг.** (на конец года): Российский статистический ежегодник. 2014, 2016, 2019. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994#>. Данные о численности религиозных организаций в **2019 г.** в Хакасии: Отчет о работе Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014—2019 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 28.03.2026).

за 2019 г. URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/251/100831.html>. В Туве: Дашковский П. К. и др. Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 22. В Алтае: Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2019 г. М. — Омск: «Издательский центр КАН», 2020. С. 60. Данные о численности религиозных организаций в **2020—2021 гг.** в Хакасии: Отчет о работе Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2020 и 2021 гг. URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/>; в Туве: Хомушка О. М. Религии в Туве: история и современность. Новосибирск: Наука, 2024. С. 98; на Алтае: Хвастунова Ю. В. Религиозные сообщества и группы в Республике Алтай (состояние на 2021 г.) // Макарьевские чтения: Материалы XVI международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2021. С. 301. Информация о зарегистрированных в 2023 г. религиозных организациях в Республике Хакасия, Тыва и Алтай по состоянию на 20.07.2023 г. Информационный портал Министерства юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/>. Информация о зарегистрированных в **2024 г.** религиозных организациях в Республике Хакасия, Тыва и Алтай по состоянию на 08.01.2025 г. Информационный портал Министерства юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/>. Информация о зарегистрированных в **2025 г.** религиозных организациях в Республике Хакасия, Тыва и Алтай по состоянию на 13.03.2025 г. Информационный портал Министерства юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/> (дата обращения: 13.03.2025).

Самым впечатляющим был рост числа религиозных объединений в Хакасии, составивший в 2012 г. более 35 % относительно начала десятилетия. Более половины всех организаций были аффилированы с Абаканской и Хакасской епархией РПЦ. Выросло число мусульманских и буддистских объединений (к 2025 г. — 3 % и 2 % соответственно), а протестантских деноминаций, напротив, становилось меньше (с 28 % в 2013 г. до 20 % в 2025 г. от числа организаций в республике). Ожидается, что большинство верующих в Хакасии идентифицировали себя с православием (см. табл. 2). Однако если число приходов продолжало расти, то численность православных верующих за менее чем десять лет сократилась почти на 10 %. Доля мусульман, напротив, увеличивалась, преимущественно за счет трудовых мигрантов из Средней Азии. Некоторое снижение их числа произошло в 2018—2019 гг., когда спад в экономике снизил привлекательность региона для мигрантов.

Таблица 2. **Распределение ответов респондентов на вопрос:**
«Какую религию вы исповедуете?» (2013—2019 гг.), в %

Какую религию вы исповедуете?	Республика и год проведения опроса													
	Хакасия					Тыва					Алтай			
	2013	2014	2015	2018	2019	2013	2014	2015	2018	2019	2013	2014	2015	2018
Православие	76,0	78,4	69,6	68,7	67	4,5	2,3	5,2	3,1	2,0	68,9	69,5	50,0	60,0
Католицизм	2,5	1,3	1,2	1,0	1,0	1,0	0,8	1,0	0	0,5	0,5	2,6	0,5	1,1
Протестантизм	1,5	0,3	0,6	0,4	0,5	0	0	0	0,4	0	0	0	0	0,5
Ислам	0,2	0	0,8	2,1	1,2	0,3	0	0	0,2	0,5	1,1	1,0	0,5	0,5
Буддизм (ламаизм)	0,4	0	1,2	1,0	2,5	74,1	83	83,4	79,3	80	0	0,8	4,0	1,6
Иудаизм	0,2	0	0,3	0	0	0,3	0	2,4	0	0	0,5	0	0	0
Старообрядчество	1,0	0	0,6	0,8	0,6	0,3	0,3	0	0,4	0	0,5	0,5	0,5	0,5
Свидетели Иеговы	0,4	0,5	0,8	0,4	0,4	0	0,5	0,3	0	0	0	0	0	0
Язычество	0,6	1,8	2,1	1,7	1,	2,4	1,6	0	0	0,5	6,3	3,9	13,7	15,8

Какую рели- гию вы испо- ведуете?	Республика и год проведения опроса													
	Хакасия					Тыва					Алтай			
	2013	2014	2015	2018	2019	2013	2014	2015	2018	2019	2013	2014	2015	2018
Шаманизм	0,6	0,3	3,1	2,5	1,6	9,1	4,2	2,4	7,9	8,0	0,5	1,6	7,4	3,7
Тенгрианство	0	0	2,1	0,2	0,4	0,3	0	0	0	0	0,5	0,5	2,1	0,5
Бурханизм	0	0	0	0	0,1	0	0	0	0,1	0	1,1	1,3	6,3	1,6
Другую	0	0,8	0,9	1,5	1,7	0	0	0	1,7	0,5	0	0,3	1,0	0,5
Никакую (без отри- цания веры в сверхъесте- ственное)	7,6	8,3	7,3	10,5	12,2	4,6	4,2	2,1	2,4	3,0	11,6	11,4	5,9	6,2
Белая вера (Ак-жан)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1,1	0,3	0,2	0,5
Я — атеист	9,0	8,3	9,4	9,2	9,8	3,1	3,1	3,2	4,5	5	7,4	6,3	7,9	7,0

Источник: составлено автором на основании данных массовых опросов в республиках Хакасия, Тыва (2013—2019 гг.) и Алтай (2013—2018 гг.).

В Республике Тыва рост числа религиозных организаций в первой половине 2010-х годов составил более 25 %. Большинство регистрируемых организаций были буддистскими (38 %), им численно уступали усилившие свои позиции РПЦ (28 %) и последователи шаманизма (12 %), уменьшалась доля протестантских течений (17 % организаций). За последующие десять лет численность религиозных организаций в Туве выросла еще на 20 % (преимущественно буддистских и шаманистских), что эксперты объясняют не столько действиями властей и этнополитических элит по возрождению традиционных верований как основания этнополитической субъектности, сколько желанием религиозных и светских лиц регистрировать такие организации [Дашковский и др., 2021: 22]. Увеличение численности буддистских объединений сопровождалось ростом числа приверженцев буддизма и особенно заметно в годы экономических кризисов. Доля последователей шаманизма, напротив, снижалась, как и число православных верующих, несмотря на увеличение числа приходов.

Религиозное пространство Алтая также переживало очередной этап трансформации, рост числа зарегистрированных религиозных организаций за период с 2010 по 2015 г. составил немногим менее 20 %. По числу организаций (49 %) первую позицию в республике стабильно удерживала РПЦ, еще четверть объединений составляли протестантские течения, действовали мусульманские (15 %), буддистские (8 %) и католические (2 %) организации. Без регистрации проповедовали неопротестанты и представители «авторских вариантов» традиционной алтайской «Белой веры», практиковали шаманы [Хвастунова, 2014]. К 2025 г. прирост числа религиозных организаций составил еще порядка 15 %⁶. Несмотря на численное доминирование в республике РПЦ, опросы фиксировали сокращение числа идентифицирующих себя с православием. Доля приверженцев ислама также,

⁶ Информационный портал Министерства юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/> (дата обращения: 13.03.2025).

несмотря на рост числа организаций, варьировалась в пределах 1 %. Число буддистских организаций почти удвоилось, что в данном случае отражало увеличение доли последователей буддизма. Численность старообрядцев, бурханистов, тенгриан оставалась практически неизменной. В то же время увеличилась доля последователей язычества (6,3 % в 2013 г. и 15,8 % в 2018 г.) и приверженцев шаманизма (с 0,5 % до 3,7 %) — в немалой степени благодаря активной позиции местных этнополитических элит, акцентировавших внимание на необходимости возрождения традиционных верований Алтая.

В целом изменения в структуре религиозного пространства Южной Сибири соответствовали общероссийской ситуации с присущими ей тенденциями роста числа религиозных организаций и верующих. Наиболее заметные изменения происходили в Хакасии. По общему числу и разнообразию религиозных организаций она превосходила соседние республики, но численно преобладала, как и на Алтае, христианские конфессии, что объясняется историческими особенностями развития и этнической структурой населения республик. В Туве четыре пятых населения — тувинцы, почти 40 % организаций и более 80 % верующих исповедуют буддизм. В таких условиях важно определить, насколько устойчивым маркером этнической идентичности становится религиозность жителей Южной Сибири.

Трансформации религиозности жителей Хакасии, Тувы и Алтая

Изменение структуры религиозного пространства Южной Сибири, выразившееся в увеличении числа религиозных организаций и верующих, сопровождалось изменением характера религиозности жителей региона. В Туве, Хакасии и на Алтае на начало 1990-х годов, отмечают исследователи, верующими себя называли почти половина опрошенных. Следует учитывать, что опросы проводились по разным методикам и зачастую в отношении отдельных групп населения, но общую характеристику религиозной ситуации они позволяют составить. Например, по данным О. М. Хомушку, с 1988 по 1990 г. в Туве верующими себя называли порядка 40 % респондентов в сельской местности и 15 % горожан [Хомушку, 2024: 132]. В 1999 г., по данным республиканского социологического исследования, доля верующих составила 43,47 % от числа опрошенных [там же]. Жители республики, отмечает О. М. Хомушку, тогда только начинали обращаться к вопросам, связанным с религией, зачастую отсутствовали необходимые в традиционных конфессиях для совершения обрядовых действий культовые сооружения. Тем не менее к середине 2000-х годов доля верующих в Туве превысила 53 % [Тюркские народы..., 2008: 169].

В соседних Хакасии и Алтае вопросы характера и уровня религиозности населения, несмотря на финансовые трудности пореформенного периода, также находились в фокусе исследовательского внимания. В 1996 г. под руководством Л. В. Анжигановой в Хакасии проведен опрос 10 % хакасского населения, продемонстрировавший, что более 76 % представителей титульного этноса — верующие [Анжиганова, 2008: 658]. Особенности религиозности русских в республике изучала И. В. Артемова, выявившая в ходе опроса 2005 г., что доля верующих среди представителей русского этноса составляет 65,7 % [Артемова, 2006]. Комплекс-

ное исследование особенностей религиозно-нравственного сознания жителей Хакасии 2007 г., учитывавшее половозрастную и этническую структуру населения, фиксировало, что доля верующих в республиканском социуме составляет порядка 60,8 % [Религиозно-нравственное..., 2007: 134]. Ситуация на Алтае, судя по данным массовых опросов, выглядела схожим образом. В период перестройки и в первое постсоветское десятилетие верующими себя называли порядка 60 %, а в середине 2000-х — уже около 70 % респондентов [Алтайцы, 2014: 415].

Проведенные нами в 2013—2019 гг. массовые опросы также свидетельствовали, что религиозность населения республик Южной Сибири имеет массовый характер. Представляющая собой комплексный и сложный феномен, своеобразный «знаниевый конструкт», включающий множество компонентов (религиозную веру и идентичность, поведение и т. д.), религиозность в наших опросах диагностировалась преимущественно на основании самокатегоризации респондента в качестве верующего. Однако важно было ответить и на вопрос о характере, типе религиозности современных верующих, критерии определения которого по сей день вызывают дискуссии в научной среде. Если, например, главным критерием религиозности считать самоидентификацию респондента, то верующими можно будет назвать абсолютное большинство опрошенных. Другая крайность — учитывать большое количество критериев (исполнение ритуалов, посещение храмов и др.) для выявления «истинно верующих». При таком подходе можно свести число верующих к значениям, сопоставимым со статистической погрешностью [Лебедев, 2010: 86; Фурман, Каарияйнен, 2003: 22—23]. Иными словами, при определении характера религиозности, помимо самоидентификации респондентов в качестве верующих, необходимо учитывать особенности их поведения в отношении культа, но не гипертрофировать их значение [Hogg, 2016: 3—17; Rybkina, 2015: 1948]. Несмотря на широкую распространенность в социологических исследованиях практики дифференциации респондентов, заявивших о своей религиозности, на «воцерковленных» и «невоцерковленных» (или «убежденных» и «формально верующих»), такой прием, по мнению П. А. Баева, имеет серьезные ограничения и не учитывает повседневной практики верующих [Баев, 2010: 149—153]. Особенно если речь идет, как в нашем случае, о значительном числе последователей слабоинституционализированных религиозных верований, часто не имеющих культовых сооружений и разработанной обрядности. Применительно к целям исследования, на наш взгляд, уместно использовать определения, обнаруживающие искомую связь между декларируемым мировоззрением и реальным повседневным поведением, например: «активные» и «пассивные» верующие [Артемова, 2006: 71—83]. В наших опросах респонденты аналитически были разделены на несколько групп: а) верующие (дополнительно выяснялось, исполняют они или не исполняют религиозные обряды и ритуалы); б) неверующие (также выяснялось, как неверующие относятся к религии: положительно, отрицательно или безразлично); в) колеблющиеся между верой и неверием. Группа колеблющихся в исследовании рассматривалась обособленно, поскольку у них, как и у затруднившихся с ответом, по-видимому, все же есть религиозные представления и наличие веры они не отрицают [Беликова, 2018: 116—127]. Кроме того, обозначенную группу отличала высокая динамика изменения численности, свидетельствующая о пере-

ходе колеблющихся в другие группы, в том числе верующих. Этническая идентичность респондентов — в контексте задачи определения динамики численности верующих среди представителей крупнейших этносов региона, степени и характера их религиозности, наличия связи между этничностью и религиозной идентичностью — определялась на основе самокатегоризации опрошенных. При этом основания этнической идентичности жителей региона в исследовании методологически игнорировались.

Результаты опросов продемонстрировали, что численность верующих в региональном социуме в третьем постсоветском десятилетии оставалась относительно стабильной и в среднем составляла 61 % от числа опрошенных (см. табл. 3). Для сравнения: по данным общероссийского опроса 2019 г., к верующим себя причисляли 69 % жителей России [Рыжова, 2020: 248]. В то же время в 2013 и 2015 г. исследования фиксировали резкий рост числа верующих, что, на наш взгляд, может быть объяснено изменениями социально-экономической и политической ситуации в республиках региона.

Таблица 3. **Динамика численности верующих, неверующих и колеблющихся в республиках Южной Сибири (2013—2019 гг.), в %**

Категория (группа)	Год проведения опроса					
	2013	2014	2015	2018*	2019	
					Хакасия	Тува
Верующие	66,3	59,5	66,1	58,8	55,2	62
Колеблющиеся между верой и неверием	12,5	10,4	10,6	12,5	13,0	10,5
Неверующие	13,0	20,5	15,0	16,6	20	16,5
Затруднились с ответом	7,6	11,5	8,0	11,8	11,2	11

* Динамика численности в период 2013—2018 гг. по трем республикам (Хакасия, Тува, Алтай).

Источник: Составлено автором на основании данных массовых опросов в республиках Хакасия, Тува (2013—2019 гг.) и Алтай (2013—2018 гг.).

Самый высокий процент верующих в рассматриваемый период был среди представителей русского и тувинского этносов (в среднем 62 и 66 % соответственно). Доля неверующих составила немногим более 19 %. При сопоставимом числе верующих религиозность тувинцев и русских заметно различалась. Только 13 % русских верующих отмечали, что исполняют основные обряды и ритуалы (не исполняли — 49 %), и их доля оставалась почти неизменной на протяжении всего периода исследований. Среди верующих тувинцев, по данным опросов 2013—2015 гг., доля исполняющих обряды и ритуалы была больше доли тех, кто отметил, что верит, но не ведет культовой деятельности. В 2018—2019 гг. доли «активных» и «пассивных» (в терминах И. В. Артемовой) верующих тувинцев примерно выровнялись (см. табл. 4). Интересной, но сложной для интерпретации остается ситуация с позиционированием религиозности и религиозной идентичности как маркера этничности тувинцев. Буддизм отличает их от многих других тюрков мира. Тувинцы-буддисты, отмечает Ч. К. Ламажаа, не вписываются в тюркский «идеал» (все тюрки — мусульмане) [Ламажаа, 2021: 184]. Обладая известной гибкостью,

буддизм в Туве успешно уживается с шаманизмом, а сами тувинцы стали считать его своей традиционной религией, хотя, полагают специалисты, большинство тувинцев не вникают в тонкости учения и тяготеют скорее к шаманистским, добуддийским воззрениям. Иными словами, буддизм для тувинцев, в том числе в контексте позиционирования себя как тюркоязычных буддистов, выполняет функции маркера этничности, особенно в условиях сложной ситуации с другим маркером — языком, трансформирующимся в русско-тувинский билингвизм, вытесняющий тувинско-русский [там же].

Таблица 4. Особенности религиозности представителей крупнейших этносов Южной Сибири (2013—2019 гг.), в %

Тип религиозности	Год проведения опроса																		
	2013				2014				2015				2018				2019 (Хакасия и Тува)*		
	Русские	Тувинцы	Хакасы	Алтайцы	Русские	Тувинцы	Хакасы	Алтайцы	Русские	Тувинцы	Хакасы	Алтайцы	Русские	Тувинцы	Хакасы	Алтайцы	Русские	Тувинцы	Хакасы
Верю в Бога и исполняю основные обряды и ритуалы	13,9	42,5	10,9	24,3	10,5	37,9	10,3	37	14,6	41,9	19,4	31	14	28,8	5,5	37,8	11,8	28,5	9,1
Верю в Бога, но не исполняю религиозные обряды и ритуалы	52,9	32,3	50,9	37,8	41	31,5	37,9	23,9	49,6	23,6	45,6	38,8	50,9	33,7	40,4	24,4	49,9	30,5	39,7
Колесблюсь между верой и неверием	13,3	6,8	16,4	13,5	15	7,8	10,3	8,7	11,1	6,1	13,1	12,1	11,8	9,7	17,4	11,1	10,3	5,5	15,7
Не верю в Бога, но положительно отношусь к религии	7,9	6,8	10	2,7	12,8	11	17,2	8,7	8,8	17,1	9,4	6	7,3	16,1	9,2	11,1	8,1	12,5	6,6
Не верю в Бога, отрицательно отношусь к религии	0,8	1,5	0,9	2,7	5,8	0	13,8	2,2	2	0	0	1,7	1,2	0,4	0,9	2,2	2,1	15	1,7
Не верю в Бога и к религии отношусь безразлично	6,8	2,3	6,4	2,7	8,6	2,2	0	0	6,8	2	3,7	2,6	7,8	2,2	8,3	0	9	8	12,4
Затрудняюсь ответить	4,5	7,9	4,5	13,5	6,4	9,7	10,3	19,6	7,1	9,3	8,7	7,8	6,9	9	18,3	13,3	8,7	9,9	14,9

* Приведены данные опроса 2019 г. в республиках Хакасия и Тува. В Республике Алтай опрос не проводился.

Источник: Составлено автором на основании данных массовых опросов в республиках Хакасия, Тува (2013—2019 гг.) и Алтай (2013—2018 гг.).

Религиозность хакасов, судя по результатам опросов, также имеет свои особенности в плане как численности идентифицирующих себя в качестве верующих, так и доли тех верующих, кто осуществляет культовую деятельность. В частности, верующими себя в рассматриваемом периоде называли в среднем 54% опрошенных представителей хакасского этноса. В сравнении с другими этносами региона это самый низкий показатель уровня религиозности. Исполняют основные

обряды и ритуалы не более пятой части верующих хакасов, что позволяет сопоставить их религиозный тип с характеристиками религиозности русских верующих. Общность черт религиозного типа этих двух этносов определяется, на наш взгляд, особенностями формирования этноконфессионального ландшафта Хакасии, испытывавшего воздействие православной традиции, русского языка и культуры, которое проявляется, в частности, в русско-хакасском билингвизме и синкретических религиозных воззрениях титульного этноса. Тем не менее, полагают исследователи, традиционные религиозные верования (шаманизм, язычество, тенгрианство), которых придерживались, по данным наших опросов, порядка 15 % верующих хакасов, можно рассматривать в качестве маркера этнической идентичности [Анжиганова, 2016; Анайбан, 2012]. Отчасти в пользу такой позиции свидетельствуют изменения в динамике доли верующих среди представителей хакасского этноса в опросе 2015 г., отразившие процессы этноконфессиональной мобилизации в ответ на сложную социально-экономическую ситуацию в стране и республике, когда доля верующих в структуре этноса достигла 65 %, из которых 20 % были последователями шаманизма и язычества.

Доля верующих среди представителей алтайского этноса в рассматриваемый период составляла 62 %. Кратковременный рост их числа (в пределах 10 %) пришелся на 2014—2015 гг. и объясняется, по-видимому, теми же причинами, которые спровоцировали актуализацию религиозности у других этносов региона. Особенностью религиозности алтайцев, на первый взгляд, является устойчивый рост доли верующих, заявлявших, что знают и исполняют религиозные обряды и ритуалы. В других группах их доля снижалась. Однако специалисты отмечают, что религиозный тип верующих на Алтае претерпел значительные изменения. По данным исследователей религиозной ситуации в республике, современные верующие демонстрируют низкий уровень знания догматов, а обряды совершаются поверхностно и прошли путь значительного упрощения [Тадышева, 2017: 431; Харитоновна, 2004]. Другая особенность религиозности алтайцев — традиционно большое число последователей так называемых слабоинституционализированных верований, популярность которых объясняется спецификой развития социально-экономических и этнополитических процессов в республике. В частности, Ю. В. Хвастунова указывает на активную деятельность узкой группы политических элит по буддизации Алтая с целью получения разноплановой поддержки от стран традиционного распространения буддизма [Хвастунова, 2014]. Такие действия вызвали реакцию со стороны республиканского социума, выразившуюся, в частности, в возрождении традиционных верований алтайцев, активном противостоянии алтайцев-шаманистов и алтайцев-буддистов, дифференциации в массовом сознании «Белой веры» и бурханизма, снижении числа приверженцев последнего (в 2014 г. бурханистами себя называли 10,6 %, а в 2018 г. — 2,2 %).

Таким образом, результаты серии массовых опросов в республиках Южной Сибири свидетельствуют в пользу обоснованности мнения специалистов о функционировании религии в качестве маркера этничности крупнейших этносов региона. В таком контексте представляется важным ответить на вопрос: не является ли религиозность, включая религиозную идентичность, фактором эскалации напряженности межэтнического взаимодействия в регионе?

Межэтнические и межконфессиональные отношения в оценках жителей региона

Межэтнические и межрелигиозные отношения, выражающие связи людей, их взаимодействия и взаимовосприятие в социальном пространстве, насыщенном этническими и религиозными идентичностями [Рыжова, 2020: 249—250], давно находятся в фокусе внимания исследователей социокультурных процессов в регионе. Несмотря на отсутствие открытой конфронтации гетерогенных этнических и религиозных общностей, межэтнические и межконфессиональные отношения в Южной Сибири могут быть описаны в терминах стабильной напряженности. В рассматриваемый период 2013—2019 гг. положительно оценивали межконфессиональные отношения немногим более 50 % респондентов, а межэтнические — и того меньше (порядка 45 %). Добавим, что оценкам респондентов была присуща высокая чувствительность к изменениям социально-экономической и политической ситуации. Например, в 2013 г. межконфессиональные отношения сочли благоприятными 63 % опрошенных, а межэтнические — только 46 % (см. табл. 5). При этом положительно оценивали межэтнические отношения почти равное число верующих и неверующих (46 % и 50,3 % соответственно). В восприятии межконфессиональных отношений расхождения были более существенными (благоприятными их сочли 47,1 % неверующих и 62 % верующих). Тем, кто отметил наличие межконфессиональной напряженности, предлагалось назвать ее причины. 26,5 % опрошенных в качестве основного фактора межконфессиональной напряженности назвали миграцию, еще 19,9 % видели причиной напряженности деятельность религиозных организаций и конкретных представителей некоторых конфессий. Воздействие на характер межконфессионального взаимодействия негативных процессов в экономике отметили 10 % опрошенных, в политической сфере — 6,5 %.

Таблица 5. *Динамика оценок характера межконфессиональных и межэтнических отношений (2013—2019 гг.), в %*

Категория оценок характера межконфессиональных и межэтнических отношений	Год проведения опроса					
	2013	2014	2015	2018	2019*	
					Хакасия	Тува
Межконфессиональные отношения благоприятны	63	47	60	58,1	56,3	66,1
Имеется напряженность в межконфессиональных отношениях	21	33,3	19,7	25	23,2	19,4
Неопределившиеся	15,1	20,8	20,8	18,4	11,8	11
Межэтнические отношения благоприятны	46	36,6	51,8	48,9	46,4	50,5
Имеется напряженность в межэтнических отношениях	42	51,6	37,4	36,5	40,7	34,6
Неопределившиеся	7,5	10,9	11,3	12,5	13,5	14,5

* Приведены данные опроса 2019 г. в республиках Хакасия и Тува. В Республике Алтай опрос не проводился.

Источник: Составлено автором на основании данных массовых опросов в республиках Хакасия, Тува (2013—2019 гг.) и Алтай (2013—2018 гг.).

Повторный опрос был проведен в 2014 г., на который пришлось знаковые изменения внешне- и внутривнутриполитической, экономической ситуации, оказавшие воздействие на настроения и оценки жителей региона [Латова, 2016: 16—37]. Межконфессиональные отношения сочли благоприятными уже менее половины опрошенных, выросло число респондентов, ощущавших скрытую (24,3 %) и сильную (9 %) напряженность. Больше остальных ощущали напряженность представители русского и хакаского этносов (по 13 %), в подавляющем большинстве — православные. Среди основных причин межконфессиональной напряженности 12,1 % респондентов (22,7 % тувинцев, 17,4 % алтайцев, 8,6 % русских) называли миграцию, 23,3 % — политические процессы в стране, 17,5 % — деятельность отдельных служителей и религиозных организаций. Примечательно, что фактор ухудшения ситуации в экономике в качестве триггера межконфессиональной напряженности обозначили только 14,2 % опрошенных. Напряженность межэтнических отношений ощущали более половины респондентов (конфликтность — 7,1 %). В совокупности напряженность и межэтнических, и межконфессиональных отношений отметили на 10 % больше опрошенных, нежели годом ранее. Обращает на себя внимание тот факт, что в оценке характера взаимодействия неверующие демонстрировали больше оптимизма, чем верующие. Порядка 44 % неверующих и 39 % верующих сочли межэтнические отношения благоприятными, а позитивный характер межконфессиональных отношений отметили 51 % неверующих и 49,2 % верующих.

По-видимому, предпринимаемые федеральными и местными властями меры по нивелированию неблагоприятных последствий процессов в экономике и социальной сфере были достаточно эффективными, что отразили результаты последующих опросов. Уже в 2015 г. положительную оценку ситуации дали более половины опрошенных. В перечне причин, вызывающих межконфессиональную напряженность, респонденты отметили миграцию (26,1 %), деятельность отдельных служителей и религиозных организаций (21,6 %), политические процессы (20,1 %). Только 6 % опрошенных обозначили в качестве основной причины напряженности ухудшение ситуации в экономике, что до известной степени противоречит распространенным представлениям о значительном влиянии этого фактора на социокультурные процессы. Межэтнические отношения сочли благоприятными на 15 % опрошенных больше, чем в предыдущем году (48,1 % хакасов и 32 % тувинцев отметили напряженность ситуации межэтнического взаимодействия). Как и прежде, неверующие позитивнее оценили ситуацию межэтнического контакта (48 % неверующих и 41 % верующих соответственно). Характер межконфессиональных отношений, напротив, положительно оценили 47,1 % неверующих и 60,1 % верующих.

Спустя два года (опрос 2018 г.) оценки остались почти без изменений: благоприятными межэтнические и межконфессиональные отношения сочли более половины опрошенных, тогда как напряженность ощущал каждый четвертый респондент (конфликтность — 2 %). Среди основных причин межконфессиональной напряженности снова фигурировали мигранты (20,7 %), приток которых восстановился после значительного снижения в середине десятилетия из-за депрессивного состояния экономики региона. 18,5 % назвали в качестве основной причины напряженности ухудшение ситуации в экономике, а еще 15,8 % отметили негатив-

ное влияние политических процессов в стране. Пятая часть опрошенных видели причину напряженности в действиях религиозных организаций и отдельных служителей различных конфессий. Положительную оценку характера межэтнических отношений дали менее половины опрошенных (48,9%). Скрытую напряженность отметили 33,9%, а сильную — 2,6% респондентов, и это самые низкие значения негативных оценок за весь период исследований. Сильнее остальных чувствовали напряженность межэтнических взаимодействий респонденты-алтайцы (22,2%) и тувинцы (18%). Верующие и неверующие по-прежнему оценивали межэтнические и межнациональные отношения как доброжелательные почти в равной степени. Порядка 46% неверующих и 44,3% верующих отметили, что межэтнические отношения благоприятны. В свою очередь, 44,4% неверующих и 53,3% верующих охарактеризовали характер межконфессиональных отношений как благоприятный. Иными словами, опрошенные позитивнее оценивали межконфессиональные отношения, нежели межэтнические.

Опросы в Хакасии и Туве, проведенные в 2019 г., свидетельствовали о стабилизации оценок характера межэтнических и межконфессиональных отношений. Более половины опрошенных назвали межконфессиональные отношения благоприятными, а причины напряженности 34,6% респондентов в Хакасии (в равной степени русские и хакасы) видели в миграции. Порядка 20% назвали политические процессы в стране, столько же — деятельность отдельных религиозных лидеров и организаций. 15% отметили фактор ухудшения ситуации в экономике. В Туве причины межконфессиональной напряженности 29% респондентов видели в политических процессах, 19,4% — в миграции, 12,9% — в ухудшении ситуации в экономике. Негативное влияние на ситуацию межрелигиозного контакта 19% опрошенных видели в деятельности некоторых религиозных лидеров и организаций. Межэтнические отношения сочли благоприятными менее половины опрошенных респондентов в Хакасии (оценки верующих и неверующих почти не отличались). Межконфессиональные отношения верующие оценили позитивнее, назвав ситуацию бесконфликтной (неверующие — 47,1%, верующие — 62%). Межэтнические отношения благоприятными назвали чуть более 50% как верующих, так и неверующих опрошенных в Туве (конфликтность ощущали 13% русских и тувинцев). Межконфессиональные отношения сочли бесконфликтными и благоприятными 62% верующих и 47,1% неверующих. Можно сказать, что неверующие в рассматриваемый период чаще, чем верующие, оценивали межэтнические отношения как доброжелательные. Межконфессиональные отношения, напротив, верующие субъективно воспринимают более позитивно. Интересно, что в общероссийском опросе 2019 г. неверующие в большинстве случаев реже, чем верующие, давали позитивную оценку межнациональным отношениям в своем регионе [Рыжова, 2020: 252]. Сопоставляя оценки респондентов за весь период исследований, можно сделать вывод об их стабильности, складывании в региональной ситуации функционального противоречия.

Напряженность межэтнических и межконфессиональных отношений в Южной Сибири имеет свои объективные основания, что делает необходимым мониторинг динамики уровня толерантности как устойчивой ориентации представителей гетерогенных этносов и конфессий на несиловое разрешение возникающих проти-

воречий [Рыжова, 2019: 52]. В ходе опросов выявлялись субъективные мнения жителей региона о возможности применения силовых методов решения возникающих межнациональных и межконфессиональных конфликтов. В целом порядка четверти опрошенных, вне зависимости от этнической принадлежности, полагали совершенно недопустимым применение силы при разрешении конфликтов, более половины респондентов считали применение силы возможным, если существует угроза жизни людей, и 10 % отметили, что применение силы в подобных ситуациях необходимо. Анализ результатов массовых опросов через призму этнической и религиозной идентичности респондентов позволил дополнить представления об уровне и специфике толерантности жителей региона. В частности, доля сторонников радикального решения межэтнических противоречий среди верующих оказалась весьма значительной: применение силы в описанной ситуации допускают в среднем порядка 8,5 % назвавших себя православными, 15,7 % буддистов, 22,5 % приверженцев шаманизма, 25 % мусульман и 9,8 % атеистов. Иными словами, тема этноконфессионального радикализма в публичном пространстве Южной Сибири на момент проведения опросов сохраняла свою актуальность, но не отличалась остротой. В частности, по результатам опроса 2013 г., подавляющее большинство респондентов (88,5 %) вне зависимости от этнической принадлежности ответили, что нет конфессий (религий), к которым они испытывают неприязнь. Однако в условиях экономической, социально-политической нестабильности, когда активизируются поиски «виновных» в возникающих проблемах и неурядицах, актуализируются неформальные и групповые связи, уровень религиозной неприязни значительно повышается (в 2014 г. был более 9 %). В исследованиях 2018—2019 гг. уровень религиозной неприязни жителей региона был сопоставим со среднероссийским уровнем негативных установок (7,8 %).

Заключение

Исследование религиозной ситуации в республиках Южной Сибири в третьем постсоветском десятилетии позволяет сделать вывод, что «бум религиозности», о котором много писали и говорили в 1990—2000-х годах, по-видимому, завершился. После значительного роста числа верующих в пореформенный период к середине 2010-х годов их доля в региональном социуме стабильно снижается, но не столько в сторону увеличения числа неверующих (которых, впрочем, стало несколько больше), сколько в пользу затрудняющихся с определением себя в качестве верующего или неверующего, а также колеблющихся между верой и неверием. Тем не менее верующими себя по-прежнему называли более половины опрошенных, что говорит о массовом характере религиозности в постсоветском обществе.

Характер религиозности верующих, так называемый тип религиозности, также претерпел значительные изменения. Большая часть верующих — представителей крупнейших этносов региона (русские, хакасы и тувинцы) — отмечали, что почти не ведут систематической культовой деятельности, а участвуют в религиозных ритуалах и совершают обряды от случая к случаю. Исключением были верующие алтайцы, половина которых уверенно заявляли, что знают и исполняют религиозные обряды и ритуалы. При этом религиозность, конфессиональная идентичность все отчетливее обретали этнокультурное измерение, становясь маркером этнич-

ности, способным обострить ситуацию межэтнического и межконфессионального взаимодействия, особенно в условиях усиления негативных процессов в экономике и политической сфере региона. Анализ субъективных оценок, которые жители республик Южной Сибири давали характеру межэтнических и межконфессиональных отношений, продемонстрировал, что такие опасения небеспопеченны. По данным опросов, немногим более половины респондентов в рассматриваемый период считали контактную ситуацию межконфессионального взаимодействия благоприятной, еще меньше было тех, кто дал положительную оценку характеру межэтнического взаимодействия. Большинство респондентов терпимы к применению силы при разрешении противоречий межэтнического взаимодействия. Допустимость применения силовых методов обозначили представители самых многочисленных конфессий. Иными словами, тема радикализации религиозности в публичном пространстве республик Южной Сибири остается далеко неисчерпанной. Тем не менее религиозность и этническая принадлежность не становятся источником противоречий сами по себе, а опрошенные демонстрировали высокий уровень декларируемой толерантности.

Список литературы (References)

1. Авксентьев В. А., Бабкин И. О., Хоц А. Ю. Конфессиональная идентичность в конфликтном регионе // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 41—48.
Avksentiev V. A., Babkin I. O., Khots A. Yu. (2006) Confessional Identity in a Conflict-Ridden Region. *Sociological Studies*. No. 10. P. 41—48. (In Russ.)
2. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / ред. колл. Н. В. Екеев, Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2014.
Ekeyev N. V., Ekeyeva N. M., Enchinov E. V. (eds.) (2014) *Altaians: Ethnic History. Traditional Culture. Modern Development*. Gorno-Altai: S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies. (In Russ.)
3. Анайбан З. В. Институты гражданского общества в постсоветской Хакасии // Новые исследования Тувы. 2012. № 4. С. 68—82.
Anayban Z. V. (2012) Civil Society Institutions in Post-Soviet Khakassia. *New Research of Tuva*. No. 4. P. 68—82. (In Russ.)
4. Анжиганова Л. В. Межконфессиональные отношения в республике Хакасия в начале XXI в. // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии: Тематический сборник: материалы X Международной научно-практической конференции, Семей, 15—16 мая 2008 г. Вып. 9. Новосибирск-Семей: Семипалатинский государственный университет им. Шакарима, 2008. С. 656—662.
Anzhiganova L. V. (2008) Interfaith Relations in the Republic of Khakassia at the Beginning of the 21st Century. In: *Ethnosocial Processes in Inner Eurasia. Thematic Collection: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference, Semey, May 15—16, Vol. 9*. Novosibirsk-Semey: Shakarima Semipalatinsk State University. P. 656—662. (In Russ.)

5. Анжиганова Л. В. Этноконфессиональная ситуация в Южной Сибири: социологический аспект исследования // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5(47). С. 81—83. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.033>. Anzhiganova L. V. (2016) Ethno-Konfessional Situation in Southern Siberia: Sociological Aspect of Research. *International Research Journal*. No. 5. P. 81—83. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.033>. (In Russ.)
6. Артемова И. В. Особенности религиозности русских в Хакасии // Вестник Евразии. 2006. № 3. С. 71—83. Artemova I. V. (2006) Features of the Religiousness of Russians in Khakassia. *Vestnik Evrazii*. No. 3. P. 71—83. (In Russ.)
7. Баев П. А. Религиозное и нерелигиозное сознание российского общества эпохи перемен: проблемы типологизации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 1. С. 148—159. Baev P. A. (2010) Religious and Nonreligious Consciousness of the Russian Society in the Epoch of Changes: Problems of Typologization. *Bulletin of Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, and Cultural Studies*. No. 1. P. 148—159. (In Russ.)
8. Беликова Е. О. Поиски стратегии социологического изучения религиозной идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 116—127. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.05>. Belikova E. O. (2018) Searching for a Sociological Strategy to Study Religious Identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 116—127. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.05>. (In Russ.)
9. Белоконев С. Ю., Игнатовский Я. Р., Печенкин Н. М. Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов в Республике Хакасия в 2018 году // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4. С. 19—24. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-19-24>. Belokonev S. Yu., Ignatowski Ya. R., Pechenkin N. M. (2019) Dynamics of Socio-Political Moods and an Analysis of the Election Results in the Republic of Khakassia in 2018. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. Vol. 9. No. 4. P. 19—24. [DOI10.26794/2226-7867-2019-9-4-19-24](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-19-24). (In Russ.)
10. Грошева Г. В. Региональная идентичность на уровне этногосударственных субъектов Российской Федерации на рубеже XX—XXI веков (Республика Хакасия, Республика Алтай, Республика Тыва) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 9. С. 66—74. Grosheva G. V. (2012) The Regional Identity at the Level of the Russian Federation Ethnic Nationhood Constituent Territories at 20—21st Century (Republics of Khakassia, Altai and Tuva). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. No. 9. P. 66—74. (In Russ.)

11. Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 18—34. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>.
Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Bicheldey U. P., Mongush, A. V. (2021) Religious Situation in the Republic of Tuva (Based on the Results of a Sociological Study). *New Research of Tuva*. No. 2. P. 18—34. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>. (In Russ.)
12. Дашковский П. К., Гончарова Н. С. Положение религиозных общин в национальных автономиях СССР в 1985—1991 гг.: на примере Хакасской автономной области // Вестник РУДН. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 680—695. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-680-695>.
Dashkovskiy P. K., Goncharova N. S. (2023) Situation of Religious Communities in the USSR National Autonomies in 1985—1991: the Case of the Khakass Autonomous Region. *RUDN Journal of Russian History*. Vol. 22. No. 4. P. 680—695. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-680-695>. (In Russ.)
13. Захарова А. А. Опыт формирования выборки на примере исследования институциональных и социокультурных процессов региона // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11—2. С. 150—153. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11773>.
Zakharova A. A. (2019) The Experience of Sampling on the Example of the Research of Institutional and Socio-Cultural Processes in the Region. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. No. 11—2. P. 150—153. DOI:10.24411/2500-1000-2019-11773. (In Russ.)
14. Ламажаа Ч. К. Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178—194. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>.
Lamazhaa Ch. K. (2021) Tuva as a Limitrophe Zone: Language, Religion and People's Identity. *New Research of Tuva*. No. 3. P. 178—194. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>. (In Russ.)
15. Латова Н. В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 — год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 16—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02>.
Latova N. V. (2016) Russian Satisfaction with Life during the Crisis: 2015 as a Year of Bifurcation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 16—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02>. (In Russ.)
16. Лебедев С. Д. Парадоксы религиозности в мире позднего модерна // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 85—93.
Lebedev S. D. (2010) Paradox of Religiousness in the World of Late Modernity. *Sociological Studies*. No. 12. P. 85—93. (In Russ.)

17. Логачева А. С. Современная Хакасия: этносоциальные процессы. Абакан : Хакасское книжное издательство, 2006.
Logacheva A. S. (2006) Modern Khakassia: Ethnosocial Processes. Abakan: Khakasskoe Knizhnoe Izdatelstvo. (In Russ.)
18. Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия: проблемы и перспективы развития / ред. колл. В. Г. Ибрагимова, Л. В. Анжиганова, Н. А. Бухарина. Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. 2007.
Ibragimova V. G., Anzhiganova L. V., Bukharina N. A. (eds.) (2007) Religious and Moral Consciousness of the Population of the Republic of Khakassia: Problems and Prospects of Development. Abakan: Katanov State University of Khakassia. (In Russ.)
19. Рыжова С. В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 49—58. <https://doi.org/10.31857/S013216250004006-9>.
Ryzhova S. V. (2019) Religiosity, Ethno-Confessional Identity and Problems of Interethnic Accord. *Sociological Studies*. No. 2. P. 49—58. <https://doi.org/10.31857/S013216250004006-9>. (In Russ.)
20. Рыжова С. В. Религиозность и межрелигиозные отношения в оценках россиян // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 245—263. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.11>.
Ryzhova S. V. (2020) Religiosity and Interreligious Relations in the Assessments of Russians. *Russia Reforming*. No. 18. P. 245—263. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.11>. (In Russ.)
21. Тадышева Н. О. Межэтнические и межконфессиональные отношения в республике Алтай // Мир Большого Алтая. 2017. Т. 3. № 3. С. 428—436.
Tadysheva N. O. (2017) The Interethnic and Interconfessional Relations in Altai Republic. *World of Great Altay*. Vol. 3. No. 3. P. 428—436. (In Russ.)
22. Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX — начало XXI веков). Вып. I. Республика Алтай в XX — начале XXI веков: трансформации социальных слоев и институтов / ред. колл. Н. В. Екеев, Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2015.
Ekeyev N. V., Ekeyeva N. M., Enchinov E. V. (eds.) (2015) Transformations in Society and Values of Traditional Culture in the Altai Republic (Late 20th — Early 21st Centuries). Vol. I. The Republic of Altai in the 20th and Early 21st Centuries: Transformations of Social Strata and Institutions. Gorno-Altaiisk: S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies. (In Russ.)
23. Тюркские народы Восточной Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. : Наука, 2008.
Funk D. A., Alekseev N. A. (eds.) (2008) The Turkic Peoples of Eastern Siberia. Moscow: Nauka. (In Russ.)

24. Фетисов А. С. К вопросу об изменении политики государства в отношении религиозных организаций (на примере Горного Алтая) // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 2(9). С. 90—92.
Fetisov A. S. (2008) On the Issue of Changing the State's Policy Towards Religious Organizations (Using the Example of Gorny Altai). *The World of Science, Culture and Education*. No. 2. P. 90—92. (In Russ.)
25. Фурман Д., Каарияйнен К. Религиозная стабилизация в современной России // Россия и мусульманский мир. 2003. № 10. С. 20—28.
Furman D., Kaariainen K. (2003) Religious Stabilization in Modern Russia. *Russia and the Moslem World*. No. 10. P. 20—28. (In Russ.)
26. Харитонов В. И. Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2004.
Kharitonova V. I. (2004) Religious Factor in the Modern Life of the Peoples of the North and Siberia. Moscow: N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
27. Хвастунова Ю. В. Деятельность религиозных организаций на территории Республики Алтай (социально-политический аспект) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Материалы международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 20—23 апреля 2014 г. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2014. С. 390—397.
Khvastunova Yu. V. (2014) Activities of Religious Organizations in the Altai Republic (Socio-Political Aspect). In: *History and Culture of the Peoples of South-Western Siberia and Adjacent Regions (Kazakhstan, Mongolia, China): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Gorno-Altaysk, April 20—23*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. P. 390—397. (In Russ.)
28. Хомушку О. М. Религии в Туве: история и современность. Новосибирск: Наука, 2024.
Khomushku O. M. (2024) Religions in Tuva: History and Modernity. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
29. Hogg M. A. (2016) Social Identity Theory. In: McKeown S., Haji R., Ferguson N. (ed.). *Understanding Peace and Conflict Through Social Identity Theory. Peace Psychology Book Series*. Cham: Springer. P. 3—17. https://doi.org/10.1007/978-3-319-29869-6_1.
30. Montalvo J. G., Reynal-Querol M. (2003). Religious Polarization and Economic Development. *Economics Letters*. Vol. 80. No. 2. P. 201—210. [https://doi.org/10.1016/S0165-1765\(03\)00080-6](https://doi.org/10.1016/S0165-1765(03)00080-6).
31. Rybkina I. V. (2015) Religious Identity in a Christian Context: Types, Markers and Research Problems. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. Vol. 8. No. 9. P. 1946—1954. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2015-8-9-1946-1954>.

32. Walters P. (2001) Religion in Tuva: Restoration or Innovation? *Religion, State and Society*. Vol. 29. No. 1. P. 23—38. <https://doi.org/10.1080/09637490120061877>.
33. Zorbas K. (2021) Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia: The Cursed Lives. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.